

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4 (211)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

СВЯТИЛИЩА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

(Состояние вопроса)

Раскопки греко-бактрийского храма в Тахт-и Сангине показали, что это один из замечательнейших религиозных памятников в иранском мире. Его архитектура принадлежит восточной традиции, которая стала известной благодаря своему развитию в эллинистический период. Новые традиции религиозной архитектуры появились в конце ахеменидского или в начале эллинистического периода, тогда как первоначально в Иране существовали только святилища под открытым небом. Влияние Месопотамии на формирование архитектурных решений закрытых храмов в иранском и среднеазиатском регионах проявилось в ином расположении храмовых сокровищниц по отношению к целле. Часто конструкции с четырехколонной квадратной целлой и с обводными коридорами ошибочно считают храмами огня¹. Однако не всегда подобные сооружения можно связать с зороастриским культом, поскольку этот тип плана существовал как в культовой, так и в гражданской архитектуре², а зороастриский культ начинает проявляться в архитектуре с конца парфянского периода.

В недавно опубликованном третьем томе истории зороастризма Мэри Бойс и Франц Грене³ предлагают рассматривать постахеменидскую религию Ирана и Средней Азии в свете письменных источников и данных археологических открытых в Бактрии. Среди этих открытых — святилище Тахт-и Сангин в Таджикистане, последнее по времени исследования среди памятников религиозного типа на территории «эллинистического» Востока после святилищ Дильберджина и Ай Ханум (Бактрия)⁴.

Святилище Тахт-и Сангин (рис. 4)⁵ наряду с «храмом с уступчатыми нишами» на городище Ай Ханум (рис. 1)⁶ по количеству и ценности находок представляет собой один из богатейших ансамблей культового значения в восточноиранском мире. В результате раскопок городища Тахт-и Сангин, как и при раскопках Ай Ханум, собственно архитектурный материал обогатился остатками храмовых сокровищ и разнообразной утвари⁷. Эти находки полнее и ярче отразили культуры, существовавшие в

¹ Monneret de Villard U. The Fire Temples // Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology. 1936. V. 5. № 4; Erdmann K. Das Iranische Feuerheiligtum. Lpz. 1941.; Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966.

² Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Тр. ЮТАКЭ. 1949. I. С. 201—251; она же. Реконструкция «Квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы // Тр. ЮТАКЭ. 1951. 2. С. 143—146; она же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958; она же. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии // ВДИ. 1973. № 1; она же. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы // Тр. ЮТАКЭ. 1976. 16. С. 16—29; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия — Токаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990. С. 85—91.

³ Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. III. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule // Handbuch der Orientalistik. 1. Abt. Der nahe und der mittlere Osten. 8/1/2/2. Leiden — New York, 1991. Я выражая благодарность Е.Ю. Полонской за перевод на русский язык этой статьи, первоначальная версия которой была опубликована в более краткой форме в «Etudes de Lettres» (1992. V. 4. P. 101—124), а также Францу Грене, Ги Лекюю, Маргарите Филанович за помощь в настоящем исследовании.

⁴ О греко-бактрийском святилище Джигга-тепе (рядом с Дильберджином) мы не располагаем достаточной информацией, см. Boyce, Grenet. Op. cit. P. 183—184.

⁵ Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Tempel: Achämenidische Kunst in Minnelasien // Antike und Moderne. B., 1992. Общую информацию по Бактрии и Тахти-Сангину см. Пичикян И.Р. Культура Бактрии: ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. См. также прим. 9.

⁶ О находках в Ай Ханум см. Francfort H.-P. Fouilles d'Ai Khanoum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles // MDAFA. 1984. 27.

⁷ Архитектура уже рассматривалась в двух работах И. Пичикяна: The Oxus Temple composition in the context of the architectural comparison // The International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information Bulletin, 12. М., 1987. P. 42—55; The Greco-Bactrian altars in the Temple of the Oxus (Northern Bactria) // Ibid. P. 56—65. См. также Litvinovskij B.A., Pitschikjan I.R. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // Revue archéologique. 1981. 2. P. 195—216; idem. Monuments of art from the

Бактрии, и важны не только для данного региона, но также для Ирана в целом, включая его восточную часть — Среднюю Азию, и для Месопотамии.

Городища Ай Ханум и Тахт-и Сангин расположены по берегам Окса-Амударыи. Ай Ханум (территория современного Афганистана) находится на левом берегу реки, в месте слияния ее с р. Кокча; Тахт-и Сангин (территория современного Таджикистана) — на берегу Вахша, одного из правых притоков Амудары (впадает в сотне километров ниже по течению от Ай Ханум). Хотя пока нам неизвестны первоначальные названия этих городов, уровень их урбанизации доказывает, что эти два города стали важнейшими центрами греко-бактрийского государства со временем греческого завоевания или несколькими десятилетиями позже. Ай Ханум имел очень важное стратегическое и экономическое положение, поскольку, находясь на восточной окраине равнины в среднем течении Амудары, он защищал ее от набегов кочевников, коренных жителей среднеазиатских степей. Городище Тахт-и Сангин, напротив, было расположено непосредственно у места слияния двух рек: согласно античным источникам и сведениям географов IX—X вв., здесь брал свое начало Окс. Святилище занимает главное место в городской структуре, будучи ядром города. Доказательством тому явились обнаруженные при раскопках вогненный постамент с посвятительной надписью на древнегреческом языке богу реки Окс, а на нем сам бог реки, воплощенный в бронзовой статуэтке Марсия. Здесь очевидна аналогия с названием одноименной реки, притока Меандра, протекающей по территории современной Турции, что свидетельствует о связях, которые древнегреческие колонисты, завоевавшие эту территорию в III в. до н.э., сохранили со своими родными городами, в особенности с Магнесией на Меандре. Надо отметить, что аналогия между богом реки Окс и Марсием относится к более позднему периоду (середина II в. до н.э.), изображение речного божества до возникновения этой аналогии неизвестно⁸.

Большая часть находок в Тахт-и Сангине — всего около 5000 предметов — происходит из мест, прилегающих к целине храма, и представлена вогненными предметами и храмовым сокровищем в основном ахеменидского облика. Среди них разнообразные приношения, миниатюрные алтари, курильницы, глиняные статуи, изделия из слоновой кости, золотые и бронзовые пластины с изображением донаторов и посвященных в храм животных (верблюдов и лошадей), миниатюрные копии оружия. Открытие святилища Окса и находки в нем подтверждают предположения о происхождении знаменитого «Амударынского клада», обнаруженного в этом районе в 70-е годы прошлого столетия, большая часть которого находится в Британском музее, из храма Окса, предшествующего тахтисангинскому⁹.

Приношения, найденные в святилище Тахт-и Сангина, по-видимому, связаны с традиционным культом изображений. Однако структура храма, план храма и обнаруженные при раскопках остатки комнат для хранения вечного огня (*атешгахи*), кажется, отвечают архитектурной традиции храмов огня иранского мира.

ПЕРЕЧЕНЬ СВЯТИЛИЩ

Недостаток данных по истории архитектуры культовых зданий не позволяет составить типологию святилищ и идентифицировать прототипы зданий ахеменидского периода и производные от них как в Бактрии, так и в Иране. Характерным признаком этих зданий является наличие очага. Большая часть этих памятников либо была

sanctuary of Oxus / Northern Bactria // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1983. XXVIII. P. 25—83; Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вогн Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84—110; Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985; Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Zürich, Museum Rietberg, 1989; Oxus. Tesori dell'Asia Centrale. Roma, Palazzo Venezia, 1993.

⁸ Bernard P. Le Marsyas d'Apamée, l'Oxus et la colonisation séleucide en Bactriane // Studia Iranica. 1987. XVI. P. 103—115.

⁹ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus: with other objects from ancient Persia and India. L., 1905. Комментарий к вопросу о соотношении святилища Тахт-и Сангин и Амударынского клада см. Bernard P. Le temple de Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // Studia Iranica. 1994. 23. С. 85—114.

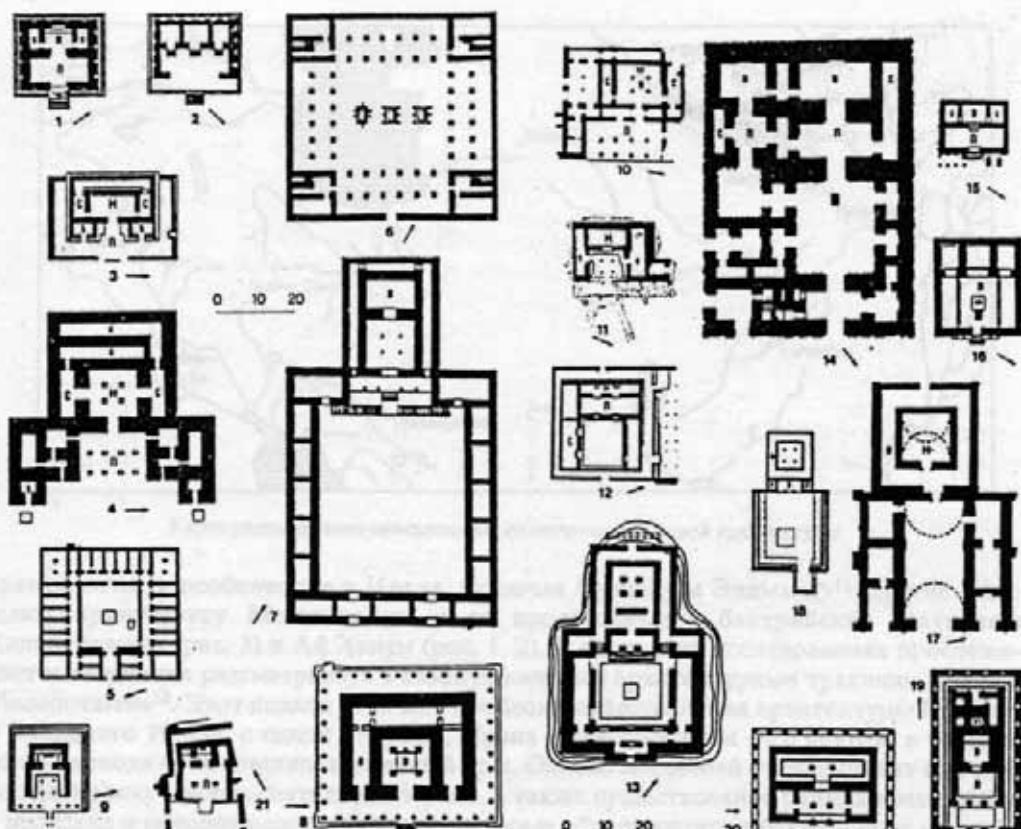

Рис. 1—9, 21.

Рис. 10—20.

Рис. 1—9, 21. 1 — Ай Ханум, храм с уступчатыми нишами; 2 — Ай Ханум, храм за стенами города, первоначальный вид; 3 — Дильберджин; 4 — Тахт-и Сингин; 5 — Алтын 10, здание 2 (кладовые или сокровищница); 6 — Дахан-и Гуламан, здание 3 (открытое святилище); 7 — Кух-и Ходжа; 8 — Сурх-Котал, храм А; 9 — Пенджикент, храм 1; 21 — Джартепе, последний период здания

Рис. 10—20. 10 — Персеполь, «храм Фратарака»; 11 — Бара-и Нишанде; 12 — Масджид-и Солайман; 13 — Сузы, Аядана (памятник нерелигиозного значения); 14 — Урук, святилище Ану-Анту, Бит Реш; 15 — Дура Европос, храм Артемиды; 16 — Дура Европос, храм Зевса Мегистоса; 17 — Хатра, храм огня; 18 — Сахр, набатейский храм; 19 — Джандиал (Таксила); 20 — Мохра Малинари (Таксила); 21 — Джартепе, последний период здания

расчищена лишь частично, либо не была датирована с достаточной точностью. Письменные источники о них, во-первых, разновременны, а во-вторых, содержат лишь фрагментарные свидетельства.

Недостаточность археологических данных заставляет нас рассматривать все памятники в соответствии с текстами, относящимися к восточным религиям, в частности к зороастризму. Первый перечень храмов, составленный 20 лет назад Клаусом Шипманом, включает большую часть памятников культового значения в Иране¹⁰. Новые находки в Бактрии вызвали необходимость заново пересмотреть перечень памятников, этому посвящены многие недавние публикации. Некоторые из них касаются

¹⁰ Schippmann K. Die Iranischen Feuerheiligtümer // Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten. 31. В. N.Y., 1971. Автор иногда слишком легко принимает допущения других археологов в определении религиозной функции памятников. См. также отчет Boyce M. On the Zoroastrian Temple cult of fire // Journal of the American Oriental Society. 1975. XCV. P. 454—465.

Карта расположения описываемых памятников храмовой архитектуры

храмов огня, в особенности в Иране, включая Сузану и Элимаиду¹¹, другие освещают архитектуру Месопотамии и ее производные — бактрийские святилища Дильбердина (рис. 3) и Ай Ханум (рис. 1, 2). В последних исследованиях прослеживается тенденция рассматривать в совокупности все архитектурные традиции Ирана и Месопотамии¹². Этот подход отвечает проблеме сопоставления архитектуры Бактрии и Западного Ирана, с одной стороны, Ирана и Месопотамии — с другой, в течение всего периода от Ахеменидов до нашей эры. Однако подобный подход ставит под вопрос датировку многих святилищ в Иране, а также существование ранних храмов огня и иранских и месопотамских традиций, которые обнаружились в бактрийской архитектуре эллинистической эпохи.

Сатрапии Ахеменидской империи охватывают такие различные культурные регионы, как Восточный и Западный Иран, включая Дрангиану (Сеистан) и Бактрию, а также Южную Месопотамию вместе с прилегающими территориями Сузаны и Элимаиды. Среди наиболее изученных памятников выделяются: в Иране — Пасаргады (священное укрепление) и Персеполь («храм Фратара»), рис. 10), в Сеистане — Кух-и Ходжа (рис. 7) и Даҳан-и Гуламан (рис. 6); в Бактрии — Дильбердин (рис. 3), Ай Ханум (рис. 1, 2) и Тахт-и Сангин (рис. 4); в Месопотамии — Урук (рис. 14), Дура-Европос (рис. 15, 16), а также Сузы (Аядана, рис. 13), Масджид-и Сулейман (рис. 12), Бард-и Нишанде (рис. 11) в Иране.

¹¹ Boucharlat R. Monuments religieux de la Perse achéménide. état des questions // Temples et sanctuaires. Travaux de la Maison de l'Orient. Lyon, 1984. 7. P. 119—135; Stronach D. On the Evolution of the early Iranian fire temple // Papers in honour of Professor Mary Boyce. Acta Iranica. 15. Hommages et Opera Minora. 11. Leiden, 1985. P. 605—627.

¹² Stronach. Op. cit.; Hannestad L., Potts D. Temple architecture in the Seleucid kingdom // Studies in Hellenistic civilization. Aarhus, 1990. I. P. 91—123; Bernard P. L'Architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique // Akten des XIII. Internationalen Kongresses für klassische Archäologie, Berlin, 1988. Mainz a. Rhein, 1990. P. 51—59; Boyce, Grenet. Op. cit. Археология религиозных памятников рассматривается в сборнике статей: Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique / Ed. F. Grenet // Publications de l'IAA. 1222 / Ex. U.R.A. 29/2. P., 1987, публикации материалов международного симпозиума: Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques (Actes du Colloque international du CNRS. Paris, UNESCO 22—28 novembre 1988). P., 1991.

Святыни иранского мира схематично можно разделить на две категории: 1) святыни или культовые места под открытым небом; 2) закрытые святыни.

Первая категория (святыни под открытым небом, огороженный священный участок, теменос) включает ансамбли ахеменидского происхождения, отвечающие зороастриским традициям, о которых Геродот писал (I, 131—132): «[...] Воздвигать статуи, храмы (*νηρούς*¹³) и алтари [богам] у персов не принято. [...] Так, Зевс (Ахурамазде) они обычно приносят жертвы на вершинах гор [...] Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам. Первоначально они приносили жертвы только этим одним божествам, затем от ассирийцев и арабов персы научились почитать Уранию (Афродиту). [...] Персы не воздвигают алтарей и не возжигают огня. Нет у них ни возлияний, ни игры на флейте, как нет и венков, и жертвеннего ячменя. [...]»¹⁴ (пер.: Г.А. Стратановского).

Для святынь, культовая функция которых четко определена, характерно наличие одного или нескольких постаментов на огороженном участке (храм в Пасаргадах)¹⁵ или во внутреннем дворике здания (строение третьего ахеменидского комплекса Дахан-и Гуламан (рис. 6))¹⁶. Если следовать Геродоту, указывавшему, что иранские святыни находились на возвышенностях, то можно утверждать, что одним из них мог быть подиум, открытый в юго-восточном крыле акрополя Ай Ханум¹⁷. То же может касаться и Нимруд-Дага. Два других святыни с террасой дозеллинского периода, Масджид-и Сулейман и Бард-и Нишанде¹⁸, но без поздних храмовых построек часто относят к той же традиции. Однако, несмотря на общие черты с открытыми ахеменидскими святынями, их принадлежность к культу иранского происхождения весьма сомнительна. Эти памятники сейчас принято относить к вавилонскому культу, имевшему распространение в Элимаиде и Сузиане¹⁹.

Вторая категория святынь — закрытые храмы — включает ряд наиболее важных памятников, среди которых можно выделить два вида культа: культ изображений иранских божеств (Ахурамазда, Митра и Анахита) и культ огня²⁰. По Мэри Бойс, культ огня, как и в зороастризме, возможно, был официальной религией ахеменидских

¹³ В аналогичном описании (География XI, 8, 4) Страбон употребляет слово *γηρόν*: речь идет о понятии святыни, священного участка; это слово не означает непосредственно «храм» (закрытый: *naos*). Значение этого слова — то же, что у Геродота.

¹⁴ В этом тексте содержатся определенные неясности: двусмысленность понятий «алтарь», «святыни»; также неясно, имеется ли в виду Иран или ахеменидская Малая Азия и т.д.; см. *Boucharlat*. Op. cit. P. 121—122.

¹⁵ *Ibid.* P. 126—127; *Stronach*. Op. cit. P. 606, 608—609: постаменты, возможно, посвящены культу огня, о чем можно заключить на основе сравнения с ахеменидскими рельефами, изображающими царя, молящегося перед платформой с огнем.

¹⁶ Во дворе находились три постамента. *Scerrato U. Excavations at Dahan-i Ghulaman (Seistan, Iran). First preliminary report (1962—1963) // East and West. NS. 1966. XVI. P. 9—30; idem. L'Edificio sacro di Dahan-i Ghulaman (Sistan) // Atti del convegno sul tema «La Persia e il mondo greco-romano», Roma, 11—14 aprile 1965. Roma, 1966. P. 457—470; Genito B. Dahan-i Ghulaman: una città achemenide tra centro e periferia dell'Impero // Oriens Antiquus. 1986. XV. P. 287—317, sp. 293—295, 309.* Определение этих алтарей как посвященных Ахурамазде, Митре и Анахите не основано, таким образом, на достоверных данных: *Boucharlat*. Op. cit. P. 132—133; *Boyce*. On the Zoroastrian Temple cult of fire. P. 458; *Stronach*. Op. cit. P. 608, 610. Дэвид Стронах (*ibid.* P. 610—612) указывает на сходство здания 2 в Дахан-и Гуламан со зданием 2 в Алтын 10 в бактрийском оазисе, объясняя его историческими связями между Систаном и Бактрией. Это здание обращено на запад и не имеет алтарей: согласно схеме, которая также обнаруживается в плане здания 2 Дахан-и Гуламан, его назначение — хранилище или сокровищница: *Genito*. Op. cit. P. 296, 310; *Кругликова И.Т., Саршаниди В.И.* Пять лет работы Советско-афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской экспедиции, 1969—1973 гг. М., 1976. С. 9. Рис. 6—8; *Rapin C. Fouilles d'Ai Khanoum VIII. La trésorerie du palais hellénistique d'Ai Khanoum // MDAFA*. 1992. 33. P. 275—276.

¹⁷ *Boyce, Grenet*. Op. cit. P. 181—183 (см. также прим. 36).

¹⁸ *Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-e Néchandeh et Masjid-i Solai-nan: l'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. av. n. ère au Ve s. de n. ère // MDAI*. 1976. 45.

¹⁹ *Boyce, Grenet*. Op. cit. P. 44—48.

²⁰ О закрытых храмах см. *ibid.* P. 165 suiv.

монархов. Одновременно существовало — или появилось заново в более поздний период — поклонение вотивным изображениям, о существовании которого говорит борьба с ним Ксеркс I, а также свидетельства Геродота. Согласно Беросу, Артаксеркс II (404—357 гг. до н.э.) установил статуи Анахиты в главных городах своей империи. «Берос в третьей книге "Халденика" пишет, что в этих городах по приказу Артаксеркса, сына Дария Оха, поклонялись человеческой статуе. Артаксеркс первым ввел поклонение статуе Афродиты-Анахиты в Вавилоне, Сузах, Экбатанах и распространил этот культ на персов, бактрийцев, в Дамаске и Сардах» (Clem. Alex. Proter. V. 65).

Археологические данные не подтверждают этот текст. В ахеменидский период едва ли можно найти примеры подобных храмов или статуй. Среди зданий, наиболее часто используемых в качестве примеров при исследовании храмов, можно выделить «храм Фратара» в Персеполе (рис. 10)²¹; Аядана в Сузах (рис. 13)²² и комплекс Кух-и Ходжа (рис. 7)²³. Все три объединяют наличие четырехколонного зала, окруженного с трех или четырех сторон продольными помещениями или коридорами. Зал имеет вход через портик. В памятниках Суз и Кух-и Ходжа перед входом имеется дворик, а также две комнаты небольших размеров, симметрично расположенные перед центральной²⁴ по обеим сторонам портика. Первоначально эти памятники были отнесены к ахеменидскому периоду на основании их исторического контекста и по архитектурным признакам. Находящийся в центре четырехколонный зал рассматривался в данном случае как признак храма огня, поскольку его считали прототипом чахар-так. К этой же традиции нередко относят святилище Сурх-Котал (рис. 8)²⁵ в Афганистане, а также два других ансамблей с залом подобного типа: парфянский храм Бард-и Нишанде (рис. 11) и греко-бактрийский храм огня Тахт-и Сангин (рис. 4).

Это предположение, основанное на очевидном на первый взгляд сходстве, спорно. Среди святилищ ахеменидского периода нам неизвестно ни одного храма огня. Памятники в Персеполе, Сузах, Кух-и Ходжа являются более поздними постройками. Аядана в Сузах (рис. 13), возможно, не храм, а богатое жилое здание типа дворцов Ай-Ханум²⁶. Также сомнительна идентификация «храма Фратара»²⁷. С другой стороны,

²¹ Schmidt E.F. Persepolis I. Structures, Reliefs, Inscriptions // Oriental Institute Publications. LXVIII. Chicago. 1953. P. 56; Schippmann. Op. cit. S. 177—185; Boyce. On the Zoroastrian Temple cult of fire. P. 460—461; Boucharlat. Op. cit. P. 130—132; Stronach. Op. cit. P. 612—617, о северо-западном комплексе см. с. 616—617; Bernard. L'Architecture religieuse. P. 58; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 111—113. Д. Стронах, Л. Ганнестад и Д. Поттс не ставят под вопрос религиозную функцию северо-западного комплекса, первый из авторов определяет его как храм Анахиты; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 116—118.

²² Dieulafoy M. L'Acropole de Susa, d'après les fouilles exécutées en 1884—86. P., 1893; Schippmann. Op. cit. S. 266—274. Fig. 38, 83; Boucharlat. Op. cit. P. 126, 128—130; Stronach. Op. cit. P. 611, 619—622 (II в. до н.э.); Bernard. L'Architecture religieuse... P. 58; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 114—115; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 38—39.

²³ Gullini G. Architettura iranica dagli Achemenidi ai Sasanidi: il «palazzo» di Kuh-i Khwagia, Seistan. Torino, 1964; Schippmann. Op. cit. S. 56—70. Fig. 83; Boyce. On the Zoroastrian Temple cult of fire. P. 458; Boucharlat. Op. cit. P. 129—130; Stronach. Op. cit. P. 618—619; Bernard. L'Architecture religieuse... P. 58; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 112—113. П. Бернар и Д. Стронах ставят под сомнение принадлежность данного памятника к ахеменидскому периоду (Op. cit. P. 149—151).

²⁴ Они имеют прямое сходство с набатейским храмом огня (Сахр, рис. 18); Schippmann. Op. cit. S. 481—483; Boucharlat. Op. cit. P. 128—129. Fig. 18. Однако необходимо уточнить, что культ огня, отправлявшийся в этом храме, отличался от иранского культа.

²⁵ Schippmann. Op. cit. S. 492—496. Fig. 81, 83; Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane // MDAFA. 1983. 25. См. также Boucharlat R. Chahar Taq et temple du feu sasanide: quelques remarques // De l'Indus aux Balkans. Recueil à la mémoire de Jean Deshayes. P., 1985. 461—478.

²⁶ Francfort H.-P. Le Plan des maisons gréco-bactriennes et le problème des structures de «type megaron» en Asie Centrale et en Iran // La Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques. Paris, 22—24 mars 1976 // Colloques internationaux du CNRS. 567. P., 1977. P. 267—280; Лекуюй Г. Ай-Ханум. Жилищное строительство // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. античность, раннее средневековье. Материалы Советско-французского коллоквиума, Самарканд, 1986. Ташкент, 1987. С. 59—67; Boucharlat. Monuments religieux... P. 126, 128—130; Bernard. L'Architecture religieuse... P. 58; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 38—39. Д. Стронах, Л. Ганнестад и Д. Поттс не ставят под вопрос религиозную функцию памятника.

²⁷ Bernard. L'Architecture religieuse... P. 58; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 116—118.

каждый из этих памятников иллюстрирует различные культурные пласты и каждому из них присуща своя архитектурная форма. От Сирии до Ирана, от Сузаны до Бактрии наличие четырехколонного зала не является обязательным основанием для определения культовой функции. Доказательством могут служить гражданские постройки парфянских дворцов в Ашшуре²⁸ и, вероятно, в Ниппуре²⁹. В досасанидский период четырехколонный зал указывает на религиозную функцию только в Бактрии, в первую очередь в Тахт-и Сангине (эллинистическая эпоха) (рис. 4) и Сурх-Котале (кушанская эпоха) (рис. 8).

В Иране только культовые места под открытым небом, например Дахран-и Гуламан (рис. 6), вероятно, датируются ахеменидским периодом. Несмотря на свидетельства письменных источников, в настоящее время не сохранилось ни одного закрытого здания этого периода, связанного с культом огня или божественных изображений. Несомненно, что святилища-храмы существовали в ахеменидскую эпоху, хотя не имеется никаких сведений о том, какие архитектурные формы они имели в III—II вв. до н.э., поскольку они были разрушены Антиохом III и Антиохом IV³⁰.

Сведения, на которых основывается изучение архитектурных религиозных традиций в Бактрии, очень фрагментарны. Несомненно, в Иране имелись прототипы греко-бактрийских памятников, о чем свидетельствуют дома и сокровищница Ай Ханум³¹. Однако дворец этого города является примером строения, не характерного для иранских ансамблей типа, но являющегося синтезом многочисленных различных традиций. Действительно, в иранских столицах Персеполе и Пасаргадах, в ахеменидских городах Средней Азии Дахран-и Гуламан и Алтын 10, а также в парфянской столице Ниса дворцы представляют собой отдельные независимые строения, расположенные рядом друг с другом. Дворец Ай Ханум, напротив, состоит из тесно прилегающих друг к другу зданий, связанных между собой сложной системой коридоров, которая заимствована, вероятнее всего, из традиций строительства месопотамских дворцов (например, дворец в Сузах³²).

В архитектурном плане пять памятников религиозного типа, обнаруженных в Ай Ханум, относятся к трем различным культурным традициям³³. Храм с уступчатыми нишами (рис. 1)³⁴ и храм за стенами города (рис. 2)³⁵ имеют аналоги в месопотамском регионе; подиум акрополя принадлежит иранской традиции³⁶; мавзолеи отвечают

²⁸ Stronach. Op. cit. P. 626.

²⁹ Fisher C.S. The Mycenaeans Palace at Nippur // AJA. 1904. VIII. P. 403—432: в данном случае наличие колонн в зале — только предположение; Marquand A. The Palace et Nippur, not Mycenaeans but Hellenistic // AJA. 1905. IX. P. 7—10.

³⁰ О разграблении храма бога Бэла (Бард-и Нишанде?) Антиохом III в 187 г. и храма Нанайи (Шами?) Антиохом IV в 164 г. см. Boyce, Grenet. Op. cit. P. 40—41.

³¹ Bernard P. Les Traditions orientales dans l'architecture gréco-bactrienne // Journal Asiatique. 1976. P. 245—275; Francfort. Le plan des maisons gréco-bactriennes.

³² Perrot J. L'Architecture militaire et palatiale des Achéménides à Suse // 150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut. 1829—1979. Festveranstaltungen und Internationales Kolloquium 17—22 April 1979 in Berlin. Mainz, 1981. S. 79—94.

³³ Downey S.B. Regional Variation in Parthian Religious Architecture // Mesopotamia. 1987. XXII. P. 29—55; eadem. Mesopotamian Religious Architecture. Alexander through the Parthian. Princeton. 1988.

³⁴ Bernard P. Quatrième Campagne de fouilles à Ai Khanoum (Bactriane) // CRAI. 1969. P. 327—354; idem. Campagne de fouilles 1969 à Ai Khanoum en Afghanistan // CRAI. 1970. P. 317—347; idem. La Campagne de fouilles de 1970 à Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1971. P. 414—431; idem. Fouilles de Ai Khanoum (Afghanistan), campagnes de 1972 et 1973 // CRAI. 1974. P. 294—298; idem. L'Architecture religieuse... P. 51—53; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 165—171.

³⁵ Bernard. Fouilles de Ai Khanoum... P. 287—289; idem. Campagne de fouilles 1975 à Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1976. P. 303—307; idem. L'Architecture religieuse... P. 53—54; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 165—171.

³⁶ Bernard // CRAI. 1976. P. 306—307; idem. L'Architecture religieuse... P. 54. Ср. также трехступенчатый подиум со стороной приблизительно 21 м в Джандалат-тепе (Сурхандарья); Пидаев Ш.Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 32—42 (рис. 2).

греческим классическим канонам, принятым в официальном культе Селевкидов³⁷. Не останавливаясь на деталях плана зданий первой группы, рассмотрим их внутреннее строение, а именно расположение сокровищниц по отношению к цепле. Наличие в храмах сокровища и предметов культа играло немаловажную роль в функционировании святилища. Поэтому нельзя отрицать, что местонахождение священного сокровища в храме отражало «собственнические» отношения между божеством и служителями культа.

В Ай Ханум в центре храма с уступчатыми нишами находится цепла, а перед ней — большой пронаос (рис. 1). По обеим сторонам от цеплы находятся две сокровищницы, которые, вероятно, служили местом хранения части или всех предметов культа и храмовых сокровищ. Первоначальный план здания Дильберджина (Бактрия) аналогичен по структуре (рис. 3): в цепле имеются две боковые двери, ведущие в узкий обводной коридор, который, возможно, являлся местом хранения храмового сокровища³⁸. Прямой выход коридора в цеплу, следовательно, исключает возможность наличия здесь культа, основанного на ритуале *circumambulatio*. Цепла имеет прямой выход во двор храма в соответствии с традицией, которую в равной степени можно наблюдать в храме за стенами города Ай Ханум. Два боковых помещения, сходных с помещениями в Тахт-и Сангине, выступают по обеим сторонам входа в цеплу³⁹.

Несмотря на сложный подковообразный план, похожий на план здания в Дильберджине, существенная часть внутреннего строения здания в Тахт-и Сангине идентична двум предыдущим (рис. 4). Центральный зал (H) имеет выход в двор через крытый вход и сообщается напрямую с двумя боковыми сокровищницами. С задней стороны последние выходят в два продольных хранилища, где находилось храмовое сокровище. Крылья здания, идущие с двух сторон от входа, образуют вместе с основным корпусом единый ансамбль, что, несомненно, и было замыслом архитектора. Каждая из этих двух пристроек является уменьшенной копией центрального корпуса памятника и располагается под углом 90 градусов к основному корпусу. Главный зал и два дополнительных помещения в левом крыле повторяют в плане левую часть основного центрального корпуса с цеплой, вместе с левой частью сокровищницы и расположенным с задней стороны хранилищем. Правое крыло, симметричное левому, аналогично по планировке. Таким образом, план храма не имеет принципиальных отличий от других греко-бактрийских памятников, за исключением боковых пристроек, которые были необходимы для отправления дополнительных церемоний (культов). Надо отметить, что схема, которая, как в храме Тахт-и Сангин, возможно, отражает многосложный культ, отличается от храма за стенами города Ай Ханум и от Джартепе (см. прим. 37 и рис. 21), в которых имеются три цеплы, расположенные рядом. Согласно И. Пичикяну, в этих крыльях в Тахт-и Сангине размещались *атешгахи* (A) — помещения, где сохранялся вечный огонь, который вносили в цеплу только во время религиозных церемоний. Следовательно, как видно из предположений П. Бернара (см. прим. 7), остается неясным, можно ли считать культ огня современным греческой эпохе. Если же он являлся таковым, то, без сомнения, он не был главным

³⁷ Bernard P., Le Berre M., Stucki R. Architecture. Le téménos de Kinéas // Fouilles d'Ai Khanoum I. MDAFA. 1973. 21. P. 85—102; Bernard P. Deuxième campagne de fouilles d'Ai Khanoum en Bactriane // CRAI. 1967. P. 310—312; idem. Campagne de fouilles 1974 à Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1975. P. 180—189; Francfort H.-P., Liger J.-C. L'hédon au caveau de pierre // BEFEO. 1976. LXIII. P. 25—39. Pl. 3—5, 11—14; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 189; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 98—101.

³⁸ Kruglikova I.T. Les Fouilles de la mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushan de Dilberdjin en Bactriane // CRAI. 1977. P. 407—427; Кругликова И.Т. Дильберджин. Храм Диоскуров // Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. М., 1986. С. 6—34. (Rez.: Bernard P.) // Abstracta Iranica. 1987. X. № 189; Bernard. L'Architecture religieuse... P. 55—56; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 172—173.

³⁹ Существование двух ниш по обеим сторонам цеплы в храмах Пенджикента, вероятно, пережиток в измененной форме этой архитектурной схемы (рис. 9). Наличие множественных культов не является исключением: см. поздний период храма, более поздний, чем Джар-тепе (рис. 21); см. Бердымуратов А.Э., Самбаев М.К. Результаты раскопок храма на Джартепе II // ИМКУ. 1992. 26. С. 77—92 (рис. 1, с. 78).

культом, как в зороастризме. Поэтому нет оснований предполагать, что план здания в целом определялся наличием второстепенного культа, а не главного (т.е. культа речного божества).

Прямое сообщение между целлой и сокровищницами повторяет традиции Ай Ханум, но продольные помещения, закрывающие целлу с трех сторон, напоминают в большей степени структуру Дильберджина. Эта структура встречается только в Бактрии. Памятник Кух-и Ходжа (рис. 7) — неудачный пример для сравнения (в данном случае коридоры и продольные помещения, обрамляющие центральный зал, не соединяются с ним⁴⁰), как и памятник в Сузах, который, вероятнее всего, не относится к зданиям религиозного типа. Среди иранских памятников один только «храм Фратрака» в Персеполе (рис. 10), который, вероятно, превоначально не предназначался для религиозного культа, имеет квадратный зал (Н), окруженный подобным же образом помещениями. Таким образом, ни одно из зданий с обводными коридорами, имеющими выход наружу, не является храмом.

МЕСОПОТАМСКИЙ РЕГИОН

Как отмечают большинство исследователей, наиболее вероятно, что происхождение плана греко-бактрийского храма заимствовано из месопотамского региона. Об этом свидетельствуют святилища Ану Антум в храме Бит Реш Урука (рис. 14); парфянские храмы II в. до н.э., Бард-и Нишанде (рис. 11) и Масджид-и Сулейман (рис. 12); а также поздние храмы Дура-Европос (рис. 15, 16). Все они построены по одной схеме: целла (Н), перед ней пронаос (П) и боковые кладовые (С). Расположение последних, однако, может быть различным. В святилище Ану Антум в Уруке (середина III в. до н.э., рис. 14)⁴¹ две целлы (Н) соединены между собой посредством залы или сокровищницы, оба имеют выход в передней части в пронаос (П), и только из него существует выход в боковые помещения (С). Парфянский храм Бард-и Нишанде⁴² имеет четырехколонный зал с выходами в три комнаты: одну с задней стороны и две по бокам (рис. 11). Р. Гиршман определил этот зал как целлу, но анализ плана ставит эту гипотезу под сомнение. Несущие стены здания определяют скорее заднее помещение (Н), предположительно наос. Передний зал с колоннами (П) мог бы быть пронаосом, или крытым входом, если допустить, что стена со стороны двора не является более поздней пристройкой. В этом случае сокровищница (С) соединялась бы не с целлой, а с передним залом. Хотя план храма Масджид-и Сулейман отличается — наос и пронаос в нем разделены на две части, сокровищница или дополнительные помещения соединяются только с двором храма (рис. 12)⁴³.

Если для первых примеров в основном характерно отсутствие прямого сообщения между сокровищницами и целлами, то планировка серии храмов в Дура-Европос поражает своим сходством с греко-бактрийскими храмами, особенно с Ай Ханум. Хотя храмы Артемиды (рис. 15)⁴⁴ и Зевса Мегистоса (рис. 16)⁴⁵ относятся к более позднему периоду, их сходство с «храмом с уступчатыми нишами» в первом случае (рис. 1) и храмом за стенами города (рис. 2) во втором — не случайно: в системе *наос — пронаос* храма Артемиды расположение сокровищниц отно-

⁴⁰ Если предположить, что памятник Кух-и Ходжа — храм, то можно отметить, что первоначальная целла — не четырехколонный зал, а продолговатое заднее помещение, которое в эпоху Сасанидов было преобразовано в *атешгах*.

⁴¹ Downey, Mesopotamian Religious Architecture. P. 20 suiv. Fig. 5; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 106—108.

⁴² Schippmann. Op. cit. S. 251—258. Fig. 37; Bernard, L'Architecture religieuse... P. 58; Downey, Op. cit. P. 134—136. Fig. 58; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 113—115.

⁴³ Downey, Op. cit. P. 131—134. Fig. 56.

⁴⁴ Ibid. P. 76—130. Fig. 39; Bernard, L'Architecture religieuse... P. 51—52.

⁴⁵ Downey, Op. cit. P. 81; Bernard, L'Architecture religieuse... P. 51—52; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 104—105. Надо отметить, что план здания, восстановленный археологами, имеет предположительный характер.

сительно целлы идентично внутренней структуре греко-бактрийских храмов⁴⁶. Сходство культов, святилищ Месопотамии и Бактрии также иллюстрируют найденные в Ай Ханум, в храме с уступчатыми нишами, и в Тахт-и Сангине серебряные пластины с изображением Кибелы, иконография которой во многом происходит из культа Иштар в Месопотамии⁴⁷. Не известно, когда и как это влияние распространилось в Средней Азии. Но, насколько нам известно, архитектура Бактрии и Дрангианы в эпоху Ахеменидов отражает исключительно иранскую традицию, совсем не известную в Месопотамии. Дворец Ай Ханум и греко-бактрийские святилища, напротив, показывают, что в какой-то момент Бактрия пережила глубокие изменения в области архитектуры. Сейчас у нас нет возможности узнать, произошло ли это при Селевкидах или изменения начались еще ранее, при Ахеменидах. Введение при Артаксерксе II культа Анахиты в Бактрии, возможно, дает ключ к ответу на этот вопрос, хотя памятники, которые могли бы стать доказательством изменений, происходящих до Александра, отсутствуют. Промежуток времени, отделяющий правление Артаксеркса II от пожара в Персеполе, был, видимо, слишком коротким для того, чтобы новые архитектурные традиции могли проявиться в Иране и в Средней Азии. Вопрос о религиозном синкритизме в Средней Азии после греческого завоевания будет еще долго оставаться открытым, до тех пор пока существует еще много неясного в иранских материалах IV в. до н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала эпохи эллинизма на Востоке греческая власть использовала синкретизм греческого пантеона и восточных божеств. Собственно средиземноморский культ проявляется в утверждении официальной религии, распространяемой посредством изображений на монетах⁴⁸ и строительства ряда памятников (например, мавзолеи городища Ай Ханум). Классический план мавзолеев объясняет их первоначальное назначение: здесь не было необходимости привносить восточный стиль, так как это было место захоронения лиц греческого происхождения, представителей официальной греческой власти.

Буддизм не играл важной роли до конца эпохи эллинизма. Распространение буддизма на греческих территориях с южной стороны Гиндукуша началось к середине III в. до н.э., о чем свидетельствуют обнаруженные в Кандагаре знаменитые эдикты индийского царя Ашоки на греческом языке⁴⁹. Индийское влияние распространялось на этих территориях очень широко в течение II в., особенно во время правления индогреческого правителя Менандра (155—130 гг. до н.э.). Но индийское религиозное влияние достигло района Окса только в период консолидации Кушанской империи, возможно, когда началось, как результат греческого влияния, распространение антропоморфного изображения Будды. В этот период в Средней Азии появилось множество святилищ, сильно отличающихся от греко-иранских. Это было проявлением синкритизма, объединившего индийские, иранские и греческие традиции⁵⁰.

⁴⁶ Формальное сходство с месопотамскими зданиями не является единичным случаем. Здание позднепарфянского периода, обнаруженное в Абу-Кубур (Ирак), в плане идентично южному дому Ай Ханум (Х. Гаше и Г. Лекюй готовят по этому вопросу специальные статьи). Эти два здания разделяют три столетия, что исключает прямую связь между ними, но не исключено, что Парфия сыграла роль в распространении в Месопотамии архитектурной традиции, которая существовала во всем иранском мире (хотя археологически это еще не подтверждено).

⁴⁷ *Francfort. Fouilles d'Ai Khanoum III. P. 93—104. Pl. XLII: Пичкан. Культура Бактрии. С. 103—104, рис. 19; с. 256—259, рис. 52* (датирует экземпляры разным временем).

⁴⁸ *Boyce, Grenet. Op. cit. P. 160.*

⁴⁹ *Ibid. P. 125—149.* Обычно предметы индийского происхождения из эллинистической Бактрии — это отдельные находки, не связанные с культурным контекстом; о «трофеи Ев克拉тида» и индийских и индо-греческих монетах из Ай Ханум см.: *Rapin. Fouilles d'Ai Khanoum VIII. P. 281—294.*

⁵⁰ Например, в последних периодах существования Дильберджинского храма. См. также *Schlumberger, Le Berre, Fusman. Surkh Kotal en Bactriane. P. 148—152; Staviskij BJa. Le Problème des liens entre le bouddhisme bactrien, le zoroastrisme et les cultes mazdeens locaux à la lumière des fouilles de Kara-tepe sur le site de l'antique Termez (Ouzbékistan) // Cultes et monuments religieux. P. 47—51. Pl. 26—28.*

Появление в иранском мире в эллинистический период (а возможно, и ранее — к концу ахеменидского периода) закрытых храмов отражает фундаментальные изменения в культе, а именно наряду с официальной религией поздних Ахеменидов⁵¹, которая не предполагала использования культовых изображений, вводится поклонение идолам. С этого момента появляется необходимость хранить статуи божеств в помещениях⁵². За исключением мест домашнего культа, в Иране не было, возможно, закрытых культовых зданий. Поэтому не исключено, что строительство первых храмов шло под влиянием месопотамских традиций юга ахеменидской империи. Эти традиции, вероятно, появились с культом Анахиты, который заимствовал в свою очередь многое из культа великой вавилонской богини.

Хотя планировка закрытых храмов — результат месопотамского влияния, непосредственная связь между сокровищницами и целлой отвечает типично бактрийским требованиям⁵³, что, по всей видимости, не обнаруживается в допарфянской Месопотамии. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что прямая непосредственная связь между «ризницей» и целлой не является непременным условием для интерпретации здания как зороастрийского храма огня. Мы согласны с мнением, что четырехколонный зал не обязательно отождествлять с целлой храма, а тем более с целлой храма огня. Таким же образом, система *circumambulatio*, даже если ее реконструкция неоспорима, требует осторожной интерпретации, поскольку она не встречается в религиозной архитектуре Месопотамии⁵⁴. В раннем периоде ее можно встретить только в западных регионах, в набатейском храме Сахр (рис. 18, см. выше прим. 22), храме огня Хатры (рис. 17)⁵⁵ и в индийском (или инданизированном) районе в Таксиле (храм Джандиал, рис. 19)⁵⁶, в Дильберджине (третий период, когда храм подвергся влиянию индийского культа), в Сурх-Котале (храм А, рис. 8)⁵⁷ и в Пенджикенте (рис. 9). Подобная планировка, при которой помещение, предназначенное для хранения храмового со-

⁵¹ Что касается периода от бронзового века до парфянско-кушанского периода, надо подчеркнуть, что в Иране и в Средней Азии, в отличие от Месопотамии, найдено немало вотовых статуэток из терракоты и кости (женские образы или всадники). По мнению Г.А. Пугаченковой и Ф. Грене, реальность статуэток, особенно в ахеменидскую эпоху, объясняется, возможно, антрактическими тенденциями древнего зороастризма. В эллинистическую эпоху терракотовые статуэтки почти не использовались, в отличие от каменных или серебряных изображений. Надо также отметить, что в эту эпоху большинство скульптур представляет собой портреты донаторов из необожженной глины (сырца). В Ай Ханум сосуществование иранского подиума в акрополе наряду с храмами в нижнем городе ярко свидетельствует о продолжении древнеиранских культов.

⁵² Греко-бактрийская скульптура широко использует хрупкие материалы: глина-сырец или дерево (дерево, покрытое серебряным листом).

⁵³ И может быть, также иранскому, если допустить, что здание в Персеполье — храм.

⁵⁴ В святилищах в Уруке (Бит Реш) и в Масджид-и Сулейман коридоры-помещения, используемые для прохода или прогулок, иногда оснащенные сухими; эти коридоры не были предназначены для ритуала *circumambulatio* вокруг целлы.

⁵⁵ Schippmann J.H. Op. cit. S. 489—491. Fig. 79. 83.

⁵⁶ Marshall J.H. Taxila. An illustrated account of archaeological excavations [...] between the years 1913 and 1934. Camb., 1951. P. 222—229. Pl. 44; Schippmann Op. cit. S. 487—489. Fig. 78 et 83. Однако ничего не подтверждает существование зороастрийского культа в этом храме. Ориентация здания точно на юг не относится к традиции иранского мира, где все храмы обращены входом на восток, северо-восток или юго-восток, за исключением позднего храма Джартеле (см. рис. 21). Может встать вопрос, не был ли культ, отправлявшийся в храме Джандиал, индуистским (например, посвященным Вишну или Кришне), так как эта религия была распространена в ино-греческом мире. Ср. колонну Гелиодора в Бенгладеше и индо-греческие монеты Агафокла и Пантилеона, обнаруженные в Ай Ханум. Можно указать также на находку в Тахт-и Сангине костяной рукоятки, украшенной сценой из индийской мифологии. И.Р. Пичикин датирует предмет ассирийским периодом (Культура Бактрии. С. 91—94). Другой памятник из окрестности Таксили храм Мохра Малиаран (рис. 20) имеет общий план, близкий Бард-и Нишанце (рис. 11); он лишен обводного коридора, но был, однако, окружен портиком, который придавал ему эллинистический облик. Этот храм вполне мог бы быть именно тем храмом, что увидел Аполлоний Тианский (Philostr. II. 20) во время его пребывания в этом городе: *Dar S.R. A fresh study of four unique temples at Takshashila (Taxila) // Journal of Central Asia. 1980. 3/1. P. 91—137. Pl. I—XII.*

⁵⁷ Коридор вокруг целлы не долго сохранил первоначальную функцию, так как вскоре после постройки храма он был превращен в ряд кладовых-посредством перегородок, что исключает возможность асимиляции с зороастрийским культом: Schlumberger, Le Berre, Fussman. Surkh Kotal en Bactriane. P. 26; Stronach. Op. cit. P. 611.

кровища, или склад ритуальных или вотивных вещей, удалено от наоса, придает божеству абстрактные и символичные свойства, нехарактерные для классического мира.

Сооружения, предназначенные для поклонения огню, к концу парфянской эпохи имелись, за исключением доахеменидских святилищ⁵⁸, только в святилищах Сурх-Котала (Бактрия) и, возможно, Тахт-и Сангины, а также в иранских храмах Лидии, описания которых мы находим у Павсания (V. 27, 5—6). Однако в этом случае культ огня не был центральным культом. В Тахт-и Сангине, если действительно здесь имелся культ в докушанский период, и в храме I на городище Пенджикент вечный огонь поддерживался в боковых помещениях, так как в целле он находился бы рядом с вотивными изображениями⁵⁹. Лишь в Иране в сасанидский период огонь был перемещен в цеплю храма, где он занял место культовой статуи⁶⁰. Собственно культ огня, вероятно, появился при парфиях в I в. н.э.⁶¹, но не распространился в Средней Азии⁶². Храм В в Сурх-Котале⁶³ является исключением, ибо этот храм, пристроенный к стариинному заброшенному династическому храму, относится к кушано-сасанидской эпохе.

В заключение надо отметить, что в античных храмах огонь не всегда является предметом поклонения и не всегда выступает в контексте зороастрийских традиций. В действительности в большинстве случаев огонь сосуществовал рядом с вотивными изображениями, например в каждом из исследованных среднеазиатских святилищ были обнаружены разные божества: божество Окса в Тахт-и Сангине, Афина-Арштат в Дильберджине⁶⁴, Зевс-Митра в Ай Ханум. Родственные черты этих святилищ выражаются в иконическом характере культов и в общем происхождении архитектурной схемы⁶⁵.

K. Рапен

⁵⁸ Культовый комплекс в Нуши-Джане (Мидии) датируется VIII в. до н.э.: *Boucharlat*. Op. cit. P. 122—124. О Бактрии (Джаркутан) см. *Askarov A., Shirinov T. Le Temple du feu de Dzarkutan, le plus ancien centre cultuel de la Bactriane septentrionale // Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique*. 1991. P. 129—136. Pl. 52—57; *Аскаров А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан*. Ташкент, 1983.

⁵⁹ О памятниках в Согде, признанных храмами огня, — Курган-тепе, Еркурган, Самарканда и т.д. — см. *Pugachenkova G.A. Un Temple du feu dans le «grand Soghd» // Cultes et monuments religieux*. P. 53—61. Pl. 29—31; *Филанович М.И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда*. С. 148—156. О редкости храмов огня в Средней Азии см. *Pugachenkova. Loc. cit.* Кроме того, определение храма Курган-тепе как храма огня недоказано: см. *Škoda V. Le culte du feu dans les sanctuaires de Pendzikent // Cultes et monuments religieux*. P. 63. В Самарканде на городище Афрасиаб Х. Ахунбабаевым и Ф. Грене (узбекско-французская археологическая экспедиция в Самарканде) были проведены исследования остатков, возможно принадлежащих главному храму исламского города, под соборной мечетью: *Bernard P., Grenet F., Isamiddinov M. et alii. Fouilles de la mission franco-ouzbèque à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): Deuxième et troisième campagnes (1990—1991) // CRAI*. 1992. P. 300—308.

⁶⁰ См. *Boyce M. Iconoclasm among the Zoroastrians // Christianity, Judaism and Other Greco-Roman Cults. Studies in Judaism in Late Antiquity*. 2 ed. Leiden, 1975. T. 4. P. 94—111; *idem. On the Zoroastrian Temple cult of fire*. P. 454—465. Следуя теории П.Г. Креенбрюка, иранский культ огня в той форме, в которой он существовал в сасанидскую эпоху, сложился вследствие перемещения общественного огня из дворца вождя в храм (*On the shaping of Zoroastrian theology // Cultes et monuments religieux*. P. 140—141).

⁶¹ На монетах парфянского царя Вологеза алтарь огня заменяет культовую статую греческого образца.

⁶² *Škoda. La culte du feu... P. 63—72. Pl. 32—39; Шкода В. К реконструкции ритуала в согдийском храме // Archiv Orientální*. 1990. LVIII. P. 147—151.

⁶³ *Schlumberger, Le Berre, Fussman. Surkh Kotal en Bactriane*. P. 46—47, 144—147. Pl. XXXVI.

⁶⁴ Во второстепенной «капелле»: главный культ в недатированный период был посвящен Оэша (т.е. Шива-Вайй): *Grenet F. L'Athéna de Dilberjin // Cultes et monuments religieux*. P. 41—45; *idem. Mithra au temple principal d'Ai Khanoum? // Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique*. 1991. P. 147—151. Pl. 58—60.

⁶⁵ Ориентация храмов также связана с типом культа: в Ай Ханум представляется, что храм с уступчатыми нишами обращен к восходящему солнцу (в тот момент, когда солнце появляется из-за акрополя, вероятно, во время зимнего солнцестояния), храм за пределами города, возможно, обращен к восходящему солнцу во время летнего солнцестояния. Но иранский подиум в акрополе, так же как и храм в Сурх-Котале, ориентирован по сторонам света: *Погосова И.Э. Сакральная информация в ориентации храмовых сооружений // Архитектура и строительство Узбекистана*. Ташкент, 1993. С. 4—9.

C. Rapin

The Graeco-Bactrian temple of Takht-i Sangin appears to be one of the most remarkable religious Hellenistic monuments of the Iranian World, as proved by the richness of the findings of the excavations. This temple belongs to an oriental tradition, the development of which is only known through the Hellenistic period. While in Iran the oldest sanctuaries were presented in the open, new religious architectural traditions characterized by the construction of covered temples appear between the end of the Achaemenid period and the beginning of the Hellenistic rule. The position of the «sacristies» and the study of their various connections with the cella show that Masopotamia played an important role in the genesis of this new kind of monument in the Iranian and Central Asian area. Moreover, the scheme comprising four columns in a square room surrounded by a peripheric corridor has often been considered erroneously sufficient proof of the identification as a Fire temple. Whether a cult function is effectively recognized, it is not necessary an indication of the Zoroastrian religion, for the manifestation of its cults does not appear in an architectural form before the end of the Parthian period.

© 1994 г.

В начале статьи заслуживающей внимание ссылки на А. А. Каппера и А. Г. Ширинского. Каппер в своем исследовании (см. его книгу *Die hellenistischen Städte des Partherreiches*, Berlin, 1923) не только описывает находки из Кара-Калыка, но и делает вывод о том, что храм, обнаруженный в Кара-Калыке, был построен в эпоху Селевкидов. Но это предположение не подтверждается никакими аргументами.

К сожалению, А. Г. Ширинский пишет о находках из Кара-Калыка, которые состоят в смеси архитектурных элементов, найденных в разные эпохи, включая эпоху Селевкидов. Такие находки не дают возможности определить время строительства храма. Но в книге А. Г. Ширинского имеется одна находка IV века до н.э. — камень с надписью на греческом языке (стр. 112). На нем вспоминается Фарнак II, царь Парфии (383—359 до н.э.). Адмирал Фарнак II упомянут в этой надписи в Пантикапее (Стб. Ант. 10, 2, 1—11). Адмирал Фарнак упомянут в этот период в Пантикапее в борьбе против персидской империи против царей Геракла и Ферзана, а также в борьбе с кочевниками-киммерийцами против царя Киммерии Тесея. Поэтому время строительства храма можно определить на основании находки греческого камня с надписью на греческом языке, который хранится в музее Кара-Калыка.

Также обратите внимание на XV столетие до н.э., когда в Бактрии и Согдии вспоминали о событиях, относящихся к концу эпохи парфянской империи. Упомянута надпись из Кара-Калыка, которая говорит о том, что в конце этого столетия в Кара-Калыке находился храм Ехра-Калыка. Следует отметить в другом месте, в статье А. Г. Ширинского о храме в Кара-Калыке, что находка греческого камня с надписью на греческом языке из Кара-Калыка относится к концу эпохи парфянской империи.

Говоря выше, следует отметить, что А. Г. Ширинский ошибочно приводит в книге о храме Кара-Калыка в качестве доказательства для храма в Кара-Калыке, что в храме обнаружены античные фрески. Такие обряды, как живопись, присущи не храмам, а дворцам.

¹ Гаврилов А. Г. Несколько страниц из «Истории азиатской археологии» и «Средней Азии». Ташкент, 1984, 1990, № 4, С. 128—142.

² Гаврилов А. Г. История азиатской археологии из Кара-Калыка // СДИ. 1992, № 4, С. 145—147.

³ Гаврилов А. Г. ТАД. № 12, С. 195, № 1794.

⁴ Гаврилов А. Г. Доказательство античности Кара-Калыка // Вестник древнерусской археологии и палеографии // Ученые записки ТГУ. Том 23. Вып. 1. Томск, 1993, № 1, С. 139—140.